ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ,

в которой рассказывается о том, как в Пурпурном царстве Танский монах изложил историю прежних китайских династий, а также о том, как Сунь У-кун проявил себя искусным врачевателем

Коль справедлив ты и добро творишь,

И с суетой мирскою порываешь,

То славу праведника обретаешь

И в человеческих сердцах царишь

Коль беспристрастный твой рассудок чист,

То счастье ты великое постигнешь!

На легком облаке, под ветра вой и свист,

Ты берега блаженного достигнешь,

Где бесконечна жизнь во всей ее красе,

Где праведника дружбы удостоят

Там обитающие Будды все

И в честь его чудесный пир устроят.

На яшмовый престол воссев по их веленью,

Освободясь от бренности мирской,

От суетных забот, подобных сновиденью

О мотыльке,— ты обретешь покой.

Себя очистив от земного праха,

Ты будешь жить без горя и без страха.

Вы уже знаете о том, что Танский монах и его ученики прочистили загрязненный проход через гору. Выйдя на дорогу, они отправились вперед радостные и довольные. Время шло очень быстро, и снова наступили знойные дни лета.

На гибких ветвях наливались,

Словно пламенем жарким объяты,

В ризах пурпурных гранаты.

Листья лотоса вширь раздавались,

Закруглялись, как яркие блюда

Цвета дивного изумруда,

В тополях придорожных скрывались

И там щебетали пугливо

Птенцы ласточки легкокрылой.

Пешеходы от зноя спасались

Легким веяньем опахала,

По дороге шагая устало.

Продвигаясь вперед, наши монахи вдруг увидели какой-то город, к которому они приближались. Танский монах остановил коня и спросил:

— Братья! Взгляните, что за город перед нами?

— Да ты, оказывается, неграмотный, — отвечал Сунь У-кун. — Как же тебе посчастливилось получить повеление Танского императора отправиться на Запад?

— Я с малых лет учился, чтоб стать монахом, выучил наизусть тысячи сутр и десятки тысяч песнопений. Как же ты можешь говорить, что я неграмотный! — возмутился Танский монах.

— Если ты грамотный, — продолжал Сунь У-кун, — то почему не можешь прочесть три четко написанных крупных иероглифа на флаге абрикосового цвета, который развевается над городской стеной, и спрашиваешь нас, что это за город?

— Несносная обезьяна! — рассердился Танский монах. — Чего ты чепуху болтаешь? Разве не видишь, что от ветра флаг колышется и на нем ничего нельзя разглядеть, а иероглифы и подавно.

— Почему же я их вижу? — не унимался Сунь У-кун.

Тут вмешались Чжу Ба-цзе и Ша-сэн.

— Наставник! Не слушай ты его грубостей! До города еще так далеко, что даже стен не видно. Как же можно на таком расстоянии разглядеть иероглифы на флаге?

— А я все-таки прочел! — злорадно сказал Сунь У-кун. — Разве не видите вы три иероглифа

«Чжу», «Цзы» и «Го»?

— Чжуцзыго! — повторил Танский монах. — Так это значит, Пурпурное царство, расположенное на Западе. Здесь нам надо будет предъявить проходное свидетельство и получить пропуск.

— Нечего объяснять! И так понятно, — пробурчал Сунь У-кун.

Прошло немного времени, и монахи достигли городских ворот. Наставник слез с коня и вместе с учениками, пройдя через мост и через трое ворот, вошел в город. Их поразил величественный вид, открывшийся перед ними.

Вот уж, право:

Тысячеоки стены городские —

Глядят на мир во все свои бойницы;

Вкруг них вода проточная струится

И отражает камни вековые,

И горы голубые отражает,

Что город тот чудесный окружают.

Коль ты пройдешь через его ворота,

Увенчанные башнями витыми,

Расстелется пред взорами твоими

Картиною прелестной и приглядной

Весь город в пестроте своей нарядной,

Пленяя очи дивными дворцами,

Тенистыми прохладными садами,

Раздольем площадей своих базарных,

Своих мощеных улиц широтою,

Раскраской яркой пагод светозарных

И зданий величавой простотою.

До поздней ночи здесь открыты лавки,

В них продают заморские новинки;

Под разной снедью ломятся прилавки

На переполненном народом рынке.

Засовами надежными заставы

От беспорядков город замыкают;

Оберегая честь его и славу,

Покой гостей и граждан охраняют.

Краса империи — ее столица,

Недаром всяк в ней побывать стремится!

Путники шли по главной улице города и поражались замечательному виду не только зданий, но и прохожих, великолепно одетых, говоривших изысканным языком, право, ничуть не хуже, чем в столице великого Танского государства. Но как только продавцы и покупатели, толпившиеся по обеим сторонам улицы, увидели безобразнейшего Чжу Ба-цзе, высоченного Ша-сэна с черным лицом и Сунь У-куна с волосатой мордой и низким лбом, так сейчас же прекратили торговлю и стали глазеть на них. Танский монах, обращаясь к своим ученикам, все приговаривал:

— Только бы не случилось беды! Идите, опустив голову!

Выполняя распоряжение наставника, Чжу Ба-цзе уткнул рыло за пазуху; Ша-сэн не осмеливался поднять головы, и только один Сунь У-кун смотрел по сторонам, держась совсем близко от Танского монаха. Но жители города оказались воспитанными и спокойно расходились, наглядевшись на диковинных прохожих. Однако нашлись праздные зеваки, любители разных происшествий, а также уличные мальчишки, которые с улюлюканьем и смехом сопровождали путников, забегали вперед и кидали в них осколками кирпичей и черепицы, потешаясь больше всего над Чжу Ба-цзе. От волнения Танского монаха бросало в пот, и он непрестанно твердил:

— Не заводите ссоры!

Дурень Чжу Ба-цзе послушно прятал голову, не смея поднять ее.

Прошло еще немного времени, и путники завернули за угол. Там они увидели высокий забор и ворота, над которыми была надпись: «Казенное подворье для иноземцев».

— Ученики мои! — молвил Танский монах. — Зайдемте сюда!

— Зачем? — спросил Сунь У-кун.

— Подворье для иноземцев является таким местом, где оказывают услуги приезжим из разных стран, — пояснил Танский монах. — Мы тоже вправе потревожить служителей этого учреждения. Пока что войдем туда и передохнем. Потом я явлюсь к властям, получу пропуск по подорожной, и мы тотчас же отправимся в дальнейший путь!

Услышав эти слова, Чжу Ба-цзе высунул свое рыло, при виде которого несколько десятков зевак от страха попадали на землю.

— Учитель, ты совершенно прав, — сказал он, подойдя к Танскому монаху. — Давайте пока спрячемся здесь, чтобы избавиться от этих горлопанов-зевак.

Они вошли в подворье, и толпа любопытных постепенно рассеялась.

В подворье оказалось два смотрителя: один — главный, другой — его помощник. Они находились в зале на возвышении и производили перекличку низших служащих, назначая их для услуг к тому или иному начальнику. Увидев Танского монаха, неожиданно подошедшего к ним, оба встревожились и стали спрашивать его:

— Кто ты? Что за человек? Куда направляешься?

Сложив руки ладонями вместе, Танский монах ответил им:

— Я — бедный монах из восточных земель великого Тан- ского государства, посланный за священными книгами на Запад. Ныне, прибыв по пути в вашу страну, я не осмелился самовольно пройти через нее. У меня есть проходное свидетельство, которое хочу дать на проверку и получить пропуск на выезд. А сюда я зашел, чтобы передохнуть с дороги.

Оба смотрителя выслушали Танского монаха, оставили низших служащих, привели в порядок свои головные уборы, одежду и пояса и сошли вниз, чтобы приветствовать гостя. Затем они велели слугам привести в порядок помещение для гостей, приготовить все для отдыха и заказали угощение из постных блюд. После этого оба смотрителя вышли из зала, ведя за собой низших служащих. Слуги пригласили Танского монаха, величая его «почтенный отец», проследовать в помещение для гостей, и он отправился отдыхать.

— Эти негодяи ведут себя вызывающе! — возмущался Сунь У-кун. — Почему они не отвели нам место в главном строении?!

— Они не находятся в подчинении у нашего великого Танского государства, — успокаивал Сунь У-куна Танский монах. — С нашей страной они не граничат, и у них свои порядки. К тому же в любое время здесь могут проезжать какие-нибудь очень важные сановники и начальники, поэтому им и неудобно было оставлять нас в главном помещении…

— Раз ты так говоришь, — упрямо проговорил Сунь У-кун, — я назло заставлю их поухаживать

за мной…

В этот момент вошли служащие с разной провизией; они принесли целое блюдо белого риса, блюдо лапши из белой муки, два пучка свежей зелени, четыре куска бобового сыра, две порции визиги, блюдо сушеных ростков бамбука и блюдо древесных грибов Муэр.

Танский монах приказал своим ученикам принять провизию и поблагодарил служащих.

— В западном домике есть очаг, чистый котел и достаточное количество хвороста. Если пожелаете, то можете сами сварить себе еду по своему вкусу, — сказал служащий.

— Вот что я хочу спросить, — обратился к нему Танский монах, — не находится ли правитель вашей страны в своем тронном зале?

— Наш повелитель, — десять тысяч лет ему царствовать, — давно уже не являлся во дворец и не устраивал приема, — ответил служащий, — но сегодня, поскольку для этого счастливый день, он призвал к себе гражданских и военных сановников и сейчас обсуждает с ними воззвание к народу. Если тебе нужно получить пропуск по проходному свидетельству, то воспользуйся этим случаем и поспеши во дворец; завтра будет поздно и неизвестно, сколько времени придется ждать другого случая.

— Сунь У-кун! — сказал тогда Танский монах. — Вы здесь пока займитесь приготовлением трапезы, а я поспешу во дворец за пропуском. Как только вернусь, мы поедим и отправимся в путь.

Чжу Ба-цзе тотчас же достал рясу и проходное свидетельство. Танский монах облачился и отправился во дворец. Уходя, он велел своим ученикам ни в коем случае не выходить из помещения, во избежание каких-либо неприятных происшествий.

Танский монах очень скоро дошел до дворца, который назывался Терем пяти фениксов. Великолепие этой постройки и красоту его архитектуры трудно описать словами. Сюань-цзан подошел к главным воротам и попросил начальника дворцовой стражи доложить придворным вельможам о его желании предъявить проходное свидетельство. Начальник дворцовой стражи сразу же отправился во дворец, предстал перед яшмовыми ступенями трона и доложил:

— У ворот дворца находится монах, который говорит, что он прибыл из восточных земель и по повелению государя великого Танского государства направляется на Запад в храм Раскатов грома, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги. Монах желает предъявить свое проходное свдетельство и получить пропуск. Жду ваших указаний.

Правитель, выслушав доклад, очень обрадовался.

— Мы давно уже страдаем недугом и не появлялись во дворце, — сказал он. — Надо же было

случиться, что как раз сегодня, когда мы явились в тронный зал, чтобы составить воззвание к народу с призывом найти лекаря, который бы излечил нас, явился сей высокочтимый монах в нашу столицу!

Он тотчас повелел пригласить монаха во дворец. Танский монах, войдя в тронный зал, совершил низкий поклон, как положено по этикету, и пал ниц перед троном. Правитель выразил желание принять его в золотом зале и велел стольничьему приказу приготовить угощение. Танский монах поблагодарил за милость и предъявил свое проходное свидетельство.

Правитель прочел документ и очень обрадовался.

— Благочестивый наставник! — молвил он. — Не скажешь ли ты, сколько справедливых правителей ныне царствующей династии Тан было в твоем великом государстве? Сколько находилось при ней мудрых сановников? Хотелось бы также узнать о ныне правящем Танском императоре, чем он болел, как вернулся к жизни и в благодарность отправил тебя в дальний путь через горы и реки за священными книгами.

Танский монах поднялся, сложил руки ладонями вместе и стал рассказывать:

— Там, на родине моей, бедного монаха, — начал он, —

...было три благодатной страны устроителя,

Три древнейших над нами правителя;

Вслед за ними народом правили

Мудрых пять императоров,

Создававших законы и правила.

Яо и Шунь воцарились храбрые,

Свой престол до небес возвысили.

Юй и Тан дали отдых жителям,

Мирной жизнью их дни насытили.

Чэнь и Чжоу тот покой нарушили:

Разделили землю единую

Меж наследниками непослушными,

Сыновьями своими недружными,

Жаждой власти и славы томимыми.

Притеснять стали слабых сильные,

Называть себя государями.

Восемнадцать царьков-правителей

Над собою двенадцать поставили,

Ненадолго тех, коих обидели,

И народ свой в покое оставили.

Поделить не сумевши конницу,

Вновь вступили в распрю жестокую;

Вновь в набат ударили звонницы,

Вновь копыта коней зацокали,

И страна огласилась воплями.

В той борьбе уцелели храбрейшие:

Семь храбрейших бились за первенство,

Шесть из них покорились сильнейшему,

Поклялись ему в дружбе-верности.

Царство Цинь себя в битвах прославило,

Остальные царства возглавило.

Знаменитые гунны-правители

Лу и Пэй, хоть и рода небесного,

Обрели себе славу нелестную:

Много горя при них увидели

Городов и селений жители.

Вслед за ним единовластие

И законов с ним почитание

Воцарились при Ханьской династии

С первых лет ее основания.

Сыма Цянь в династию Ханьскую

Возвеличил страну китайскую,

И при Цзинях, гласят предания,

Вновь она раздиралась распрями.

На двенадцать царств, южных и северных,

Разделилась вновь наша империя.

Но не все они были равными:

Сунь и Цы, Лянь и Чэнь из двенадцати

Оказались самыми главными.

Так, до славной Суйской династии,

Да и после ее воцарения,

Жили в горестях поколения.

Жизнь двора протекала в праздности

И в беспутных забавах и празднествах,

Но не видел народ облегчения,

Знал лишь горе одно да лишения,

Знал он муку одну — не радости.

Из рода Ли теперь наши правители

И зовется империя — Танскою.

Днесь почиет в горней обители

Основатель этой династии.

Сын его над страною властвует.

Носит имя Ши-минь правитель сей,

Самый мудрый из покровителей,

Самый добрый из попечителей.

Реки вновь при нем стали лазурными,

Океаны смирились бурные.

Отдыхая от гнета воителей,

От безумных утех расточителей,

Вся страна, весь народ — свидетели

Беспримерной его добродетели.

Вдруг пришла к нам беда негаданно:

Как от горя такого скроешься?

Недалеко от города главного

Объявился дракон-чудовище.

Обладал он силою дивною,

Владел чарами он могучими,

Повелевал он дождями-ливнями,

Повелевал грозовыми тучами.

Он отвел дожди благодатные

От страны нашей, жаждой мучимой,

И наслал на нас злую засуху.

По закону нелицеприятному

За проказы свои несуразные

Смертью должен был быть наказан он.

Как-то ночью Ши-миню приснился он,

Как воочью, Ши-миню явился он,

В злодеяньях своих покаялся,

Умоляя царя о милости

Обещал ему тот прощение

И от смертных мук избавление.

На заре царь призвал мужа верного,

Друга мудрого, нелицемерного,

И в советах своих и в решениях —

Принял царь сановника ласково.

За беседою неторопливою,

Над доскою склонившись шахматной,

Время утреннее провели они.

Сон сморил вдруг советника царского;

Тут на ложе, парчою застланном,

Он прилег отдохнуть, и тотчас же

В сновиденье узрел чудовище.

Но, поддавшись сомненью минутному,

Мудрый муж тот дракона лютого

Предал смерти рукою властною.

При этих словах правитель Пурпурного царства вдруг застонал, а затем спросил:

— Благочестивый наставник! Из какой же страны был тот мудрый советник?

— Он еще при покойном императоре состоял главным советником, — отвечал Танский монах. — Его фамилия Вэй, а имя Чжэн. Он умеет гадать по звездам, знает геомантию, умеет разделять тайные силы инь и ян и считается главной опорой государя в установлении порядка и спокойствия во всей империи. За то что он во сне совершил казнь над драконом из реки Цзинхэ, тот подал посмертную жалобу в подземное царство Теней, в которой обвинил нашего императора в том, что он не сдержал своего обещания и вместо того, чтобы помиловать дракона, казнил его. После этого наш император заболел и почувствовал свою близкую кончину. Тогда Вэй Чжэн написал послание, вручил его императору и попросил передать судье загробного мира Цуй Цзюе. Вскоре Танский император скончался, но через три дня снова ожил. Это чудо произошло благодаря Вэй Чжэну, который в своем трогательном послании побудил загробного судью Цуй Цзюе подделать цифру и таким образом нашему императору продлили жизнь еще на двадцать лет. Ныне он задумал созвать великий собор в память душ погибших на воде и на суше, а потому и послал меня, бедного монаха, в далекий путь, чтобы я посетил многие страны, поклонился основателю учения Будде Сакья-муни и получил у него священные книги Трех сокровищниц, излагающие основы великого учения, для того чтобы избавиться от страданий и вознестись на небо…

Правитель Пурпурного царства вновь застонал и сказал с печальным вздохом:

— Вот уж поистине небом ниспосланная династия великого государства, в котором правит настоящий император и ему служат мудрые слуги-советники! Разве можно сравнить с тем, что здесь у нас: я давно болею, но не находится никого среди моих слуг-советников, кто бы помог мне!

Танский монах, услышав эти слова, украдкой взглянул на правителя и заметил, что лицо у него желтое, сам он изможденный и производит впечатление человека слабого и телом и духом.

Танский монах хотел было спросить правителя, каким недугом он страдает, но тут появился стольничий и доложил, что можно пригласить Танского монаха на трапезу.

Правитель обратился к нему с приказанием:

— Приготовьте в зале Ароматов два места рядом, я хочу пость вместе с благочестивым наставником.

Танский монах поблагодарил за милость и отправился вместе с правителем к столу. Однако об этом мы рассказывать не будем. Обратимся к Сунь У-куну, который находился в подворье. Он велел Ша-сэну заварить чай, отварить рис и приготовить постные блюда.

— Поставить чай и отварить рис — дело не трудное, — сказал Ша-сэн, — а вот приготовить как следует овощи не так-то просто.

— Почему же? — спросил Сунь У-кун.

— Потому что у нас нет ни масла, ни соли, ни сои, ни уксуса, — отвечал Ша-сэн.

— У меня при себе есть немного денег, — сказал Сунь У-кун, — пошлем Чжу Ба-цзе, пусть купит.

Дурень Чжу Ба-цзе стал отвиливать:

— Нет, я не смею показываться на улицах. У меня такой безобразный вид, что может случиться какая-нибудь беда, а потом наставник будет меня ругать.

— Какая же может быть беда, если ты идешь честно покупать, не выпрашивать, не отнимать? — уговаривал его Сунь У-кун.

— Ты разве не видел, каким я был робким и смирным, когда мы шли сюда? — сказал Чжу Ба-цзе. — И все равно, стоило мне у самых ворот высунуть рыло, как от страха попадало несколько десятков зевак. Можешь представить себе, сколько людей умрет от страха, если я вдруг появлюсь на базаре!

— Ты только и умеешь затевать скандалы, — раздраженно сказал Сунь У-кун. — А скажи, видел ты, что продают там?

— Ничего я не видел, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Пока мы шли, наставник все время заставлял меня смотреть вниз и не затевать никаких ссор.

— Эх ты! — насмешливо сказал Сунь У-кун. — Посмотрел бы, какие там винные погребки, лабазы с рисом, мукомольные мельницы, не говоря о лавках, торгующих шелком. А какие прекрасные чайные, мучные магазины с громадными блинами и огромными пампушками; в кабачках — отличные супы и приправы, чудесные овощи, словом, уйма всевозможных

лакомств: сладкие пироги, разные сласти, трубочки с начинкой, жареные пирожки, медовые пряники… всего и не перечесть! Хочешь, пойдем я угощу тебя.

У Чжу Ба-цзе уже слюнки потекли от всего услышанного. Он не выдержал соблазна, подскочил к Сунь У-куну и сказал:

— Так и быть, брат, на этот раз ты угости меня! А в следующий раз, как только наберу сколько-нибудь денег, так обязательно угощу тебя.

Сунь У-кун усмехнулся и сказал:

— Ну, Ша-сэн! Оставайся тут и смотри, чтобы рис хорошенько сварился, а мы сходим за приправами и живо вернемся!

Ша-сэн понимал, что Сунь У-кун собирается подшутить над Чжу Ба-цзе, и, притворившись недовольным, сказал:

— Вы уж купите себе побольше да возвращайтесь сытыми!

Чжу Ба-цзе торопливо собрал чашки и плошки и вышел вместе с Сунь У-куном за ворота.

Стоявшие у ворот привратники спросили их:

— Куда собрались, уважаемые?

— Хотим купить приправ, — отвечал Сунь У-кун.

— Идите по этой улице прямо на запад,— сказал один из привратников,— завернете за угол, обойдете сторожевую башню, а рядом будет лавка торгового дома Чжэн. Там всем торгуют. Вы купите сколько угодно масла, соли, сои, уксуса, имбиря, перца и чайного листа!

Приятели, взявшись за руки и держась рядом, пошли в указанном направлении. Сунь У-кун прошел уже несколько чайных и кабачков, но ничего не купил и ничем не угостил Чжу Ба-цзе.

Тот не вытерпел и закричал:

— Брат! Давай купим чего-нибудь и поедим!

Но, как вам уже известно, Сунь У-кун решил подшутить над Чжу Ба-цзе и, конечно, отказался.

— Что ты, дорогой мой! До чего ты неопытен! Походим еще, выберем, где побольше да получше, там купим и поедим.

Пока они разговаривали между собой, за ними увязалась целая толпа зевак, наперебой стремившихся разглядеть странных монахов. Вскоре они дошли до сторожевой башни и увидели возле нее огромную толпу, запрудившую все улицы и переулки. Люди шумели, и Чжу Ба-цзе остановился:

— Брат! — робея произнес он. — Я не пойду. Слышишь, как народ шумит! Боюсь, как бы нас не схватили. К тому же мы здесь чужие и можем показаться подозрительными. Что будет, если нас схватят и уведут?!

— Глупости! — отвечал Сунь У-кун. — Кто станет хватать монахов, да еще ни в чем не повинных? Давай проберемся через толпу, зайдем в лавку торгового дома Чжэн, накупим разных приправ и тогда вернемся.

— Нет, нет, нет! — отнекивался Чжу Ба-цзе. — Я не стану лезть на рожон и навлекать беду! Знаешь, что может случиться, когда мы начнем протискиваться в толпе? У меня захлопают мои огромные уши! От страха люди начнут падать, их станут давить, а если кого-нибудь задавят насмерть, мне придется расплачиваться собственной жизнью.

— В таком случае постой здесь, у стены, а я пойду, куплю что надо, вернусь сюда, а затем угощу тебя постной лапшой и жареными блинами, — сказал Сунь У-кун.

Дурень передал Сунь У-куну чашки и плошки, повернулся к стене, спрятал свое рыло и стал как вкопанный.

Сунь У-кун прошел стороной мимо сторожевой башни и попал в самую толкучку. Пролезая прямо через толпу, он стал прислушиваться, о чем говорили. Оказывается, на стене башни висело воззвание правителя к народу, и все наперебой стремились прочесть его. Сунь У-кун протиснулся поближе и своими зоркими, горящими глазами с золотистыми зрачками быстро пробежал все от начала до конца.

Воззвание гласило:

«Мы, правитель Пурпурного царства, расположенного на большом материке Синюхэчжоу, со дня нашего правления привели в покорность и подчинение все соседние государства четырех стран света, и народ наш отныне пребывает в безмятежном покое и благополучии. Однако с недавних пор дела государства стали неблагополучны, так как тяжкий недуг приковал нас к постели, и чем больше проходит дней, тем трудней ожидать исцеления. Наша верховная палата врачевания неоднократно изыскивала лучшие способы, но оказалась не в состоянии вылечить нас.

Ныне обращаемся с этим воззванием ко всем просвещенным мужам из всех стран Поднебесной: с севера, с востока, из цветущего Серединного государства и из прочих стран.

Если у кого из вас найдется верный способ лечения или снадобье для исцеления, приглашаем пожаловать к нам во дворец, излечить наше бренное тело. Тому, кто избавит нас от тяжкого недуга, обещаем охотно отдать во владение полцарства. В доказательство того, что обещание наше не пустое, издали мы сие воззвание, которое надлежит повсюду развесить на видных местах».

Прочитав воззвание, Сунь У-кун пришел в восторг и радостно сказал сам себе:

— У древних есть замечательное изречение: «Тому, кто в ходьбе иль в движении, всегда выпадает третья доля богатства». Давно бы следовало выйти, а не сидеть без толку в этом подворье. Раз уж на то пошло, то покупать какие-то приправы вовсе незачем! Придется отложить на денек путешествие за священными книгами, а я, старый Сунь У-кун, разыграю из себя опытного лекаря.

Ну и Великий Мудрец! Он изогнул спину дугой, бросил чашки и плошки, взял щепотку пыли, подбросил ее вверх, прочел заклинание и, превратившись в невидимку, тихонько пробрался к воззванию и разом сорвал его. Обернувшись лицом на северо-восток, он вобрал в себя воздух и дунул. Сразу же поднялся сильный вихрь, который разогнал всю толпу. Сунь У-кун вернулся к тому месту, где оставил Чжу Ба-цзе, и увидел, что Дурень стоит, уткнувшись носом в стену, без движения, словно спит.

Сунь У-кун не стал его тревожить, сложил лист воззвания и незаметно засунул ему за пазуху, затем повернулся и легкими шагами направился в подворье. Здесь мы пока и расстанемся с ним. Вернемся к толпе у сторожевой башни, которую разогнал сильный вихрь. В первый момент все стали закрывать лица руками и зажмурились от пыли. Когда же вихрь промчался, оказалось, что царское воззвание исчезло. Все оцепенели от страха.

Лист с воззванием получили еще утром во дворце двенадцать евнухов и двенадцать стражников. Они вывесили этот лист, но он не провисел и трех часов, как его сорвало вихрем и куда-то унесло. Трясясь от страха, чиновники пустились во все стороны на поиски. Кому-то из них случайно попался на глаза Чжу Ба-цзе у которого из-за пазухи торчал сложенный лист воззвания.

Толпа сразу же обступила Чжу Ба-цзе со всех сторон.

— Это ты сорвал царское воззвание? — допытывались чиновники.

Дурень быстро поднял голову и так оскалил зубы, что от ужаса стражники запрыгали и повалились на землю. Чжу Ба-цзе повернулся и уже хотел было бежать, но несколько храбрецов преградили ему дорогу, схватили его и опять стали допрашивать:

— Это ты сорвал воззвание с призывом вылечить нашего царя? Что же ты не спешишь во дворец? Куда собрался?

Дурень окончательно растерялся и стал огрызаться:

— Отстаньте от меня! Это ваши детки сорвали воззвание! Пусть ваши внуки лечат вашего царя!

Один из стражников спросил:

— Покажи, что у тебя за пазухой?

Тут Чжу Ба-цзе наклонил голову и увидел, что у него действительно торчит какой-то лист бумаги. Он развернул его и, взглянув, заскрежетал зубами:

— Ну и негодная обезьяна! — выругался он. — Видно, задумала погубить меня!

Издав возглас досады, Чжу Ба-цзе хотел было разодрать бумагу на мелкие клочки, но толпа накинулась на него.

— Не рви, а то смерть тебе! — закричали в толпе. — Ведь это воззвание нашего правителя! Как же ты смеешь так обращаться с ним? Ты сорвал его и спрятал у себя за пазухой, значит, неспроста, наверное ты самый лучший из всех лекарей во всем царстве. Идем с нами скорей!

— Да что вы пристали ко мне! — не на шутку разозлился Чжу Ба-цзе. — Вы ведь не знаете, кто сорвал воззвание. Я этого не делал. Его сорвал мой старший брат в монашестве по имени Сунь У-кун. Он тайком запрятал его ко мне за пазуху, оставил меня здесь одного, а сам удрал. Если хотите разобраться в этом деле, то я пойду с вами на поиски!

— Что за чепуху ты городишь! — кричали в толпе. — Ведь не зря говорит пословица: «Никто не станет звонить в колокол, который только собираются отлить». Ты сейчас сорвал воззвание, кого же нам еще искать? Нечего с тобой разговаривать! Возьмем да и отведем тебя к нашему повелителю!

И толпа кинулась на Чжу Ба-цзе. Люди обступили Дурня.

Одни тащили его, другие подталкивали. Но Чжу Ба-цзе уперся ногами так крепко, словно у него выросли глубокие корни. Добрый десяток дюжих молодцов не смог сдвинуть его с места.

— Ну что за невежи! — кричал Чжу Ба-цзе. — Не умеете вежливо обращаться со старшими! Если будете тащить меня, смотрите, я потеряю терпение, а уж если я разойдусь, то не взыщите и пеняйте на себя!

Вскоре всполошились все соседи, и громадная толпа окружила Чжу Ба-цзе плотным кольцом. В толпе оказалось двое пожилых евнухов, которые стали ругать Чжу Ба-цзе.

— Мужлан ты этакий! — говорили они. — Откуда ты взялся и что у тебя за образина и голосище?

— Мы из восточных земель, — ответил Чжу Ба-цзе, — нас послали на Запад за священными книгами. Мой наставник приходится названым младшим братом Танскому императору и сейчас находится во дворце вашего правителя, чтобы получить про- пуск по проходному свидетельству. А я с моим старшим братом пришли сюда купить приправ. Увидев, что возле сторожевой башни столпилось очень много народу, я не осмелился пойти туда. Старший брат мой велел мне здесь ожидать и пошел один. Он увидел воззвание, вызвал порыв ветра, который сорвал лист, а затем тайком засунул его мне за пазуху и убежал.

Один из евнухов сказал:

— Мне давеча довелось встретить одного белолицего и пол- ного монаха, который входил во дворец. Наверное, это и был твой наставник?

— Он самый! Он самый! — обрадовался Чжу Ба-цзе.

— А куда же девался твой старший брат? — спросил евнух.

— Нас всего четверо, — стал объяснять Чжу Ба-цзе, — наставник отправился за пропуском, а мы трое, его ученики, вместе с поклажей и конем расположились отдохнуть с дороги в подворье для иноземцев из разных стран. Старший брат мой пошутил надо мной и, наверное, вернулся в подворье.

— Отпустите его, — приказал евнух стражникам. — Мы пойдем вместе с ним в подворье и там все узнаем.

— Ишь, какие заботливые бабушки, — сказал Чжу Ба-цзе, освободившись от стражников.

— Этот монах совсем запутался! Вместо того, чтобы величать нас дедушками, стал называть бабушками!

Чжу Ба-цзе рассмеялся:

— Вовсе я не запутался, — сказал он, — вы сами перепутали мужское и женское начало. Они ведь кастрированы, а вы зовете их не тетками и бабками, а дедушками!

Толпа зашумела:

— Нечего зубоскалить! Пойдем живей на поиски твоего брата!

На улице галдели и кричали не триста, а, пожалуй, все пятьсот человек. Толпа чуть ли не на руках доставила Чжу Ба-цзе к самым воротам подворья.

— Уважаемые горожане! — обратился к толпе Чжу Ба-цзе. — Мой старший брат не такой покладистый, как я, и не потерпит шуток с вашей стороны. Он очень горяч. Советую вам поклониться ему, назвать его почтенный Сунь, тогда он любезно обойдется с вами. В противном случае он будет так ершиться, что вы с ним никак не поладите.

— Если у твоего старшего брата в самом деле есть средство исцеления и он вылечит нашего правителя, — сказали разом все присутствовавшие чины, — то ему будет принадлежать половина нашего царства, а потому нам подобает нижайше поклониться ему.

Толпа зевак продолжала шуметь у ворот подворья. Чжу Ба-цзе провел с собой дворцовых евнухов и стражников прямо в помещение. Он слышал, как Сунь У-кун рассказывал Ша-сэну о том, что сорвал воззвание и подшутил над Чжу Ба-цзе. Подойдя к Сунь У-куну, Чжу Ба-цзе схватил его и закричал в неистовстве:

— И ты еще считаешь себя человеком! Обманщик ты гнусный! Сказал, что угостишь меня лапшой, жареными блинами и пампушками, а все это оказалось враньем! Вызвал вихрь, сорвал какое-то воззвание и тихонько запрятал его мне за пазуху с тем, чтобы превратить меня в посмешище! И это называется старший брат!

— Эх ты, Дурень! — засмеялся Сунь У-кун, — наверное, ты сбился с дороги и забрел куда не следует. Я прошел мимо сторожевой башни, купил приправы и сразу же поспешил к тебе, но тебя нигде не было, потому я и пришел сюда первым. Когда же я мог сорвать воззвание?!

— Здесь находятся вместе со мной чины, которым поручено было следить за сохранностью воззвания, — ответил Чжу Ба-цзе.

Не успел он проговорить эти слова, как подошли несколько евнухов и стражников, которые совершили низкий поклон перед Сунь У-куном.

— Почтенный отец Сунь! — вежливо молвили они. — Сегодня нашему государю улыбнулось счастье; само небо ниспослало нам тебя, чтобы ты помог ему. Ты, конечно, не откажешься проявить свое уменье врачевателя и вылечить нашего правите ля. Если только ты исцелишь его от недуга, он поделит с тобой свое царство и свою власть.

Сунь У-кун выслушал их с серьезным видом, взял воззвание из рук Чжу Ба-цзе и спросил:

— Вы, должно быть, как раз и являетесь чинами, наблюдающими за сохранностью этого воззвания?

Поклонившись до земли, один из евнухов ответил:

— Я твой покорный раб, служу во дворце и слежу за соблюдением церемоний и этикета. А остальные чины служат в придворной страже.

— Должен признаться, — сказал Сунь У-кунь, — что воззвание к врачевателям действительно сорвал я, вот почему я и послал моего младшего брата привести вас сюда. Поскольку ваш повелитель болен, напомню вам широко известную пословицу: «Лекарства неосмотрительно не покупают, лекарей больные не осуждают». Ступайте к вашему правителю и скажите ему, чтобы он сам пожаловал ко мне просить об излечении. Я владею средством исцелять больных только в том случае, если они приходят ко мне.

Евнухи перепугались, услышав эти слова, а стражники стали переговариваться:

— Раз он так хвастается, значит, не зря. Пусть одни из нас останутся и будут умасливать его, а другие отправятся во дворец и доложат обо всем.

Тотчас же четыре евнуха и шесть стражников поспешили во дворец и без доклада прошли к своему повелителю.

— О наш владыка-повелитель! Великая радость! — сообщили они.

Как раз в это время правитель Пурпурного царства, закончив трапезу, вел беседу с Танским монахом.

— Какая радость? — спросил он чиновников, выслушав их. Старший евнух стал рассказывать:

— Мы, твои ничтожные рабы и слуги, сегодня утром получили воззвание к врачевателям и повесили его на людном месте у сторожевой башни. Премудрый благочестивый монах Сунь из восточных земель великого государства Тан сорвал это воззвание. Он сейчас находится в подворье для иноземцев и требует, чтобы ты, повелитель, лично пожаловал к нему с просьбой об излечении. Он владеет средством изгонять болезнь, когда сами больные приходят к нему. Вот почему мы и поспешили к тебе с докладом.

Правитель очень обрадовался и обратился к Танскому монаху:

— Уважаемый наставник! Скажи мне, сколько у тебя высокочтимых учеников?

Сложив руки ладонями вместе, Танский монах отвечал:

— У меня, бедного монаха, всего только три глупых ученика.

— А кто из твоих достопочтенных учеников занимается врачеванием? — продолжал расспрашивать правитель.

— Скажу тебе по правде, великий государь, — отвечал Танский монах, — что мои ученики простые, невежественные люди. Они умеют лишь носить поклажу и седлать коня, хорошо переправляются через горные реки и потоки, помогают мне, бедному монаху, взбираться на горы и спускаться с них. Бывало, что в опасных местах мои ученики покоряли злых духов, ловили тигров и подчиняли драконов, — вот и все, что они умеют. Ни один из них не может быть сведущим в свойствах снадобий.

— Зачем ты скромничаешь, уважаемый наставник! Видно, само небо устроило так, что именно сегодня, когда я поднялся на свой трон, ты, уважаемый наставник, к счастью, явился во дворец. Если ты говоришь, что твой высокочтимый ученик незнаком с врачеванием, то как же он позволил себе сорвать мое воззвание и велел моим людям передать, чтобы я сам пожаловал к нему? Безусловно, он единственный во всем государстве владеет даром исцеления, иначе и быть не может!

Затем правитель обратился к своим приближенным:

— Гражданские и военные сановники! Я настолько ослабел, что не решаюсь дойти до колесницы. Отправляйтесь все вместо меня к благочестивому монаху Суню и от всего сердца попросите его осмотреть меня и определить мой недуг. Когда вы явитесь к нему, ни в коем случае не проявляйте пренебрежения и величайте его преосвященным благочестивым монахом Сунем. Оказывайте ему почести, как мне, вашему повелителю.

Сановники обещали в точности выполнить наказ и вместе с евнухами и стражниками, призванными следить за сохранностью воззвания, отправились в подворье. Своими поклонами они так напугали Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, что один укрылся в соседнем помещении, а другой шмыгнул за стену.

Великий Мудрец смотрел на прибывших, сидя на своем месте, и даже не шелохнулся. Чжу Ба-цзе, подглядывавший тайком за происходившим, со злобой и обидой подумал:

«Ну и несносная мартышка! Как беззаботно играет с огнем! Нарядная толпа царедворцев кланяется ей так учтиво, а она не отвечает на поклоны и даже не встает с места!».

Когда церемония приветствий была окончена, придворные, выстроившись двумя рядами, обратились к Сунь У-куну:

— Имеем честь доложить тебе, преосвященный благочестивый монах Сунь. Мы все являемся сановниками нашего пове- лителя, правителя Пурпурного царства. Ныне мы получили наказ нашего государя воздать тебе, преосвященный монах, подобающие высокие почести и нижайше просим проследовать во дворец и осмотреть нашего повелителя.

Теперь только Сунь У-кун поднялся со своего места и спросил прибывших:

— А почему ваш правитель сам не явился?

— Наш государь сильно ослаб, — отвечали придворные, — и не решается дойти даже до колесницы. Он потому только и приказал нам просить тебя пожаловать к нему и поклониться тебе, преосвященный, как государю.

— Если это действительно так, как вы говорите, то отправляйтесь обратно во дворец, а я прибуду вслед за вами. Придворные стали выходить, придерживаясь порядка чинов и рангов, и удалились стройными рядами.

Сунь У-кун привел в порядок свои одежды и тоже собрался идти.

— Брат, — остановил его Чжу Ба-цзе, — только, смотри, не ввязывай нас в это дело.

— А я и не собираюсь, — отвечал Сунь У-кун, — хочу только, чтобы вы оба брали здесь лекарства.

— Какие лекарства? — спросил Ша-сэн.

— Всякие, которые будут приносить разные люди, — отвечал Сунь У-кунь. — Принимайте их по счету. Когда я вернусь, буду брать те, которые мне понадобятся.

Они обещали ему выполнить все в точности, и мы пока распростимся с ними.

Сунь У-кун догнал сановников и вместе с ними прибыл во дворец. Придворные прошли вперед и доложили правителю о прибытии Сунь У-куна.

Правитель высоко откинул жемчужный полог, метнул своим царственным оком по лицам вошедших и, раскрыв свои золотые уста, спросил:

— Кто же здесь преосвященный благочестивый монах Сунь?

Сунь У-кун выступил из рядов придворных на шаг вперед и зычным голосом произнес:

— Я и есть старый Сунь У-кун!

Услышав странный голос и увидев хитрую морду, царь затрясся от страха и упал на свое царственное ложе. Переполошившиеся придворные служанки и евнухи быстро подхватили своего повелителя под руки и увели во внутренние покои.

— У, какой! Напугал царя чуть не до смерти! — говорили они.

Все придворные чины пришли в негодование:

— Что за грубый и неотесанный монах! — сердились и роптали они. — Как посмел он сорвать царское воззвание?!

Сунь У-кун услышал их ропот и рассмеялся:

— Вы напрасно сердитесь на меня, — сказал он, обращаясь к придворным. — Если вы будете относиться к людям с таким презрением, то болезнь вашего государя никогда не пройдет, даже через тысячу лет!

— Разве может человек прожить столько лет на свете? — изумились придворные, — и за тысячу лет не поправиться от болезни?

— Сейчас ваш правитель — больной государь, а если умрет, то станет больным мертвым духом. В следующем перерождении он окажется опять-таки больным, но уже с рождения. Таким образом он и за тысячу лет не избавится от своего недуга!

— Ну и наглый же ты монах! — разгневались придворные. — Совсем не умеешь держаться прилично и позволяешь себе болтать разные глупости!

— Это вовсе не глупости, — продолжал смеяться Сунь У-кун. — Вот послушайте, что я вам скажу:

Искусство врачеванья — очень сложно,

Великой тайною облечено,

Им пользоваться нужно осторожно,

Большой смекалки требует оно;

Четыре правила есть главных в нашем деле,

Не зная их, ты не достигнешь цели.

Из них первейшее — больного осмотреть,

Второе — выслушать внимательно дыханье,

А третье — страждущего расспросить суметь

И правду отличить в его признаньях.

Четвертое, последнее с терпеньем

Прощупать у запястья крови ток,

Уразуметь его невнятное биенье;

Тогда ты только сможешь без сомненья

Назвать недуг с уверенностью, в срок.

Пусть лишь в одной из этих областей

Ты не проявишь должного уменья,

Не выйдет ничего из лекарских затей:

Не принесешь страдальцу облегченья!

Итак, во-первых, осмотрев больного,

Определи его наружный вид:

Сух или влажен, тощ иль плотно сбит,

Как выглядит больной, когда он спит,

И роста и сложения какого.

Засим его дыхание проверь

(Оно быть может хриплым или чистым,

Иль вырываться из груди со свистом),

И силу вдоха, силу выдоха измерь.

Послушай речь его за этим вслед -

Пойми, насколько ею он владеет.

Быть может, в ней наличествует бред,

Быть может, сам не разумеет?

Коль он в сужденьях здрав, спроси его,

Охотно ль ест, исправен стул иль нет,

Давно ли заболел и отчего,

И в коем месте тела боль сильнее?

И наконец — последнее условье:

Прощупать правильно сплетенье жил;

Поймешь недуг, коль ты установил

И глубину и силу тока крови.

Покуда сам не осмотрю больного

Согласно правилам и знаниям моим,

Останется он слаб и недвижим,

Страданьями жестокими томим —

Не ждите от меня решения иного!

Среди гражданских и военных сановников находился также и начальник — верховный врачеватель. Выслушав Сунь У-куна, он восторженно обратился к присутствующим:

— Этот монах говорит очень дельно и толково. Даже если сам дух святой пожелает излечить больного, ему тоже надо будет осмотреть, прослушать, расспросить и прощупать. Все это вполне согласуется с волшебным искусством врачевания.

Чиновники поверили ему и велели через приближенных государя передать:

— Благочестивый монах берется определить болезнь и назначить лекарство только в том случае, если ему будет дозволено осмотреть больного, выслушать его, расспросить и прощупать пульс.

Царь лежал на своем драгоценном ложе и, не слушая приближенных, громко крикнул:

— Велите ему убраться вон! Видеть его не могу!

Приближенные вышли из внутренних покоев и сказали:

— Монах! По повелению нашего государя ты должен убраться отсюда. Царь не может смотреть на тебя.

— Если царь не может смотреть на меня, — спокойно сказал Сунь У-кун, — я умею определять пульс по шелковой нитке, привязанной к руке больного.

В толпе сановников прокатился радостный гул.

— Определять пульс через шелковую нить, — говорили придворные. — Мы слышали об этом, но никогда еще не видели. Надо еще раз попытаться доложить государю.

Приближенные вновь вошли во внутренние покои и доложили:

— О владыка — повелитель наш! Благочестивый монах Сунь не будет осматривать тебя. Он умеет определять пульс через шелковую нить, привязанную к руке больного.

Царь подумал про себя: «Вот уже три года я хвораю, но еще ни разу никто не прибегал к этому способу».

— Пусть приступает, — молвил царь.

Приближенные поспешили покинуть покои и передали:

— Наш владыка-повелитель разрешил проверить пульс через шелковую нить. Просим благочестивого монаха Суня пройти к внутренним покоям и освидетельствовать больного.

Сунь У-кун сразу же вошел в тронный зал. Его встретил Танский монах и начал бранить:

— Ну что ты за обезьяна этакая?! Сгубишь ты меня!

— Дорогой мой наставник, — смеясь, отвечал Сунь У-кун. — Что ты, я хочу, чтобы тебя еще больше уважали. Почему же ты говоришь, что я собираюсь тебя сгубить?

— Перестань глумиться! — прикрикнул на него Танский монах. — За те годы, что ты находишься при мне, видал ли я хоть раз, чтобы ты кого-нибудь вылечил! Да ты даже в лекарствах не умеешь разбираться, ни одной книги по врачеванию не прочел. Как же ты отваживаешься навлечь на нас такую беду?

— Наставник! — смеясь, ответил Сунь У-кун. — Оказывается, ты даже не знаешь, что у меня есть несколько замечательных лекарств, которые помогают от тяжелых недугов. Ручаюсь, что вылечу его. Ну, а если залечу, то про меня скажут: «Неопытный врач загубил больного». За это смертной казни не положено, чего же ты боишься? Не беспокойся ни о чем, садись и смотри, как я буду проверять пульс.

Но наставник никак не мог прийти в себя:

— Да видел ли ты хоть когда-нибудь такие книги, как «Сувэнь», «Наньцзин», «Бэньцао» и «Моцзюе». Знаешь ли ты, что содержится в них? Какие там есть толкования? Как же ты можешь сдуру болтать о том, что умеешь определять пульс через шелковую нить?!

— У меня на теле растут золотые нити, — сказал Сунь У-кун, продолжая смеяться. — Таких тебе никогда не доводилось видеть!

Он протянул руку с своему хвосту, выдернул из него три волоска, покрутил их в ладони и крикнул: «Изменитесь!» И у него в руках сразу же оказались три шелковых нити, каждая длиною в два чжана и четыре чи, соответственно двадцати четырем периодам в четырех временах года. Держа нити на ладони, Сунь У-кун показал их Танскому монаху:

— Скажи, разве они не золотые? — задорно спросил он.

Находившиеся рядом приближенные правители и евнухи обратились к Сунь У-куну:

— Благочестивый монах! Просим вас пока умолкнуть, проследовать за нами к опочивальне и определить недуг.

Сунь У-кун простился с Танским монахом и пошел вслед за приближенными к правителю.

Вот уж, право:

Способен править царством только тот,

Кто хитростью великой обладает;

Лишь тот, кто замыслы великие питает,

На свете годы долгие живет.

Если вас интересует, какой недуг определил Сунь У-кун у правителя и какие назначил снадобья, прочтите следующую главу.

http://tl.rulate.ru/book/14623/288215